

БОЛЬНИЦА — ЭТО КРАЙ ЧУДЕС,
ЗАШЕЛ В НЕЕ И ТАМ ИСЧЕЗ

Надпись на стене
восьмого этажа ХЗБ

1

ТАМ НИКОГО НЕТ

Кира

Коридор казался бесконечным. Они всё шли по нему и шли. Под ногами скрипел битый кирпич, от стен расходилась стылая влага, в этой разрухе и темени просто невозможно было согреться — солнце не проникало во внутренние помещения, терялось между забитых провалов окон, вязло в слоях пыли. Кира осторожно переступила через согнутую арматуру, торчащую из пола затапливаемой волной, и потрогала скос двери, ведущей в заваленную мусором комнату — то ли кабинет, то ли палату, уже не разобрать. Самой двери, конечно, не было. Ее, наверное, утащили сразу, когда заморозили стройку. И мебель, которую успели завезти в законченные корпуса, и проводку, и трубы, и все, что не было приколочено, а потом утащили и приколоченное тоже.

Изнутри больница выглядела мертвой. Совсем не жуткой, скорее жалкой. Утонувшая в грязи и сырости,

заброшенная и загаженная постройка, которой суждено было стать местом спасения, да не срослось. Что снимать в ней, совершенно обычной и полупустой, Кира никак не могла сообразить. Но Костик вел их с упорством археолога, поймавшего след древнего захоронения.

— Сейчас мы выйдем к лестнице на второй этаж, — говорил он на ходу. — Там планировалось размещать поступивших в приемный покой больных. — Замолчал, глянул через плечо. — В 1985-м здесь был развернут первый охранный пост.

— А почему здесь? — спросил Южин.

Он, как приклеенный, не отставал от провожаемого. Тарас шел следом, аккуратно подсвечивая их со спины, — ловил кадр. Оборачивался на Киру, мол, нормально все, пойдет? Кира пожимала плечами: пойдет, наверное, кто ж его знает, заказчика этого?

— Чтобы блокировать проходы к лестнице, — объяснил Костик. — Смотрите под ноги, пожалуйста. Может торчать арматура.

Железные прутья и правда торчали из раскрошившихся ступеней. Кира представила, как запинаяется ногой об отколовшийся кусок бетона и летит прямо на арматуру, всем весом насаживается на нее боком и та пробивает ей печень. Успеет ли она истечь кровью до того, как сюда приедет скорая помощь? Во рту тут же стало противно, будто Кира лизнула старый железный ключ.

— Ворон не считай, — шепнул Тарас и ободряюще улыбнулся.

Кира проскочила через две ступени и остановилась на площадке между этажами. Внизу звякнуло что-то металлическое и покатилося по бетону. Костик вскинул руку, остальные замерли. Даже Тарас, возвышающийся над хилым проводником, как старшеклассник над карапузом с продленки. Звук отдалился и затих.

— Там кто?.. — окликнули их и тут же затихли, только эхо отзеркалило голос, смяло его и понесло по нижнему этажу: — Там?.. Кто?..

— Мы здесь не одни? — громким шепотом спросил Южин.

...

— Кинематографу постоянно предвещают мучительную смерть, — возвестил Игорь Саныч и устремил указательный палец в потолок. — То Росселлини объявит, что кино умерло еще в конце пятидесятых, то критики решат, что после Хичкока ничего стоящего снять уже не получится. Но кино не сдается. Оно трансформируется, становится массовым, а вместе с тем остается элитарным. И знаете почему?

— Почему? — тут же откликнулись сразу со всех углов аудитории.

— Потому что мы смертны, а кинематограф — нет.

Взлохмаченная седоватая грива Игоря Саныча поблескивала на солнце. Оно билось в окно, требовало, чтобы все эти повернутые на пленке, монтажном

мышлении, фактуре и полном метре люди перестали просиживать задницы и бросились ловить сентябрь, пока он еще не сдался серости и дождям. Но группа с потрохами принадлежала неумемному обаянию Игоря Саныча, а тот уселся на край стола и начал самозабвенно тараторить.

— За век своего существования кинематограф прошел колоссальный путь от балаганного развлечения до одного из самых влиятельных видов искусства. Но первым, кто описал процесс просмотра фильма, был... Приготовьтесь удивляться! — Игорь Саныч сделал долгую паузу. — Древнегреческий философ Платон! Да-да, то был театр движущихся теней — крайне популярная в его времена забава, дальний предок немого кино...

Кира откинулась на спинку стула и приготовилась слушать. Оказаться здесь, в аудитории новой школы кино, в двух шагах от музея импрессионизма, было если и не ожившей мечтой, то уж точно достигнутой целью. Теперь можно и выдохнуть. Перестать зубрить день и ночь, ломать глаза, черкать в планере, чтобы вписать в рабочие восемь часов школу, репетитора, подготовку эссе и не свихнуться в итоге.

Игорь Саныч успел вступить на ухабистую дорожку отношений братьев Люмьер, когда телефон, который Кира положила экраном вниз, недовольно завибрировал.

«Ты во сколько домой?» — поинтересовалась мама.

«Пары до половины седьмого», — приврала Кира, заложив себе полтора часа свободы.

«А пораньше не получится? Дедушку не с кем оставить».

Кира заблокировала телефон и отложила в сторону.

— Желатиновые фотопластинки производились с использованием бромида серебра на основе технологии, разработанной братьями, — вещал Игорь Саных. — В 1883 году фабрика семейства Люмьер изготовила более двухсот тысяч таких пластинок. Дальше — больше! К 1890 году на фабрике трудилось уже двести рабочих, которые производили четыре миллиона пластинок в год. Ничего себе продуктивность, правда?

Сидящий у прохода Рудик Троеполов захихикал, Кира растянула губы в улыбке, чтобы не отставать, но лекцию уже не слушала. Телефон жужжал еще. И еще. Кира накрыла его блокнотом. С матовой темной обложки неодобрительно поглядывал насупленный воробей. Стикеры с многозначительным «Бесишь!» Кире притащил Тарас аккурат перед сдачей пробного ЕГЭ по математике. Забежал к ней в перерыве между тренировкой и съемками, наскоро чмокнул в плечо. И пока по телу Киры разбегались колючие мурашки, приклеил первую злобную птицу на ее новенький «молескин».

— Будут тебя мотивировать, — хохотнул он.

— Куда? — только и успела ахнуть Кира. — Еще и криво так...

Она уже тогда начала копить деньги. Отказалась от репетитора по обществознанию, продала старую камеру и абонемент на фотокурсы в придачу, выставила на «Авито» раритетный тетрис и решила, что до выпускного не будет

тратиться ни на что, кроме проездного и обедов. «Молескин» ей подарил папа. Без особого повода. Зашел после ужина в комнату, Кира вздрогнула от стука и, пока папа топтался в дверях, подумала, как же тихо стало в квартире.

— Ну ты как? Готовишься? — Папа наконец присел на краешек кровати и вытянул длинные ноги, из-под домашних треников торчали полосатые носки.

— Типа того, — пожала плечами Кира.

На столе у нее горой высились книжки по истории кино. Задачник с тестами по математике она запулила в дальний ящик, чтобы не мозолил глаза.

— Молодец... — задумчиво покивал папа и протянул ей что-то завернутое в пакет. — Я вот тебе принес.

Кира разорвала шуршащий пластик, отбросила в сторону, а новенький «молескин» — черный, матовый, но с гладенькой адресной вставкой — остался лежать в руках.

— Ты же такой хотела? — Папа улыбался, под глазами у него сгустилось темное, а морщины пролегли совсем уж глубоко.

Нужно было обнять его, прижаться щекой к футболке, пахнущей сигаретами и кондиционером для белья, сказать что-нибудь честное: папа, ты не должен себя загонять, папа, береги себя, пап, у нас в стране больше половины мужчин за пятьдесят умирают от сердечной недостаточности, а ты еще и куришь, пап, и работаешь в две смены, нельзя так, нельзя, понимаешь, пап? Но Кира только кивнула и потерла краешек «молескина».

— Такой, да. Спасибо, пап.

Папа хлопнул ладонью по колену и поднялся.

— Ты не засиживайся, погулять сходи, развейся, — попросил он, остановился у дверей и тихонько добавил: — И не грусти.

Мама в тот день вернулась совсем поздно, долго шумела водой, потом вышла на кухню. Кира как раз поставила на плиту сковородку.

— Котлеты будешь?

— Ой, нет, устала так, что подташнивает. Давай кофейку?

В тусклом свете абажура мама выглядела лет на десять старше, чем обычно. Кира щелкнула кнопкой чайника и опустила на табуретку.

— Как вечер прошел? — Мама насыпала в чашку растворимого кофе и бросила два кубика сахара.

— Спокойно, — соврала Кира, слишком уж красными были мамины глаза, то ли тушь смывала шампунем, то ли плакала под душем.

— Хорошо.

Они молчали, пока чайник не закипел. Молчали, пока мама пила кофе — быстрыми маленькими глотками.

— Папа тебе блокнот подарил? — спросила она, грызя старый крекер из вазочки.

— Да, спасибо, я такой и хотела. — Кира улыбнулась пошире. — Но не надо было. Он же дорогой.

— Перестань. — Мама нахмурилась. — Пойду я спать, глаза слипаются. — Поднялась было, но села обратно. — Ты еще ребенок, Кирюш, и мы должны тебя

радовать подарками. Так что радуйся. — Уголки губ чуть дрогнули, на ответную улыбку сил не хватило. — Дедушка бы сказал, зайчик принес.

Поднялась и выскочила в коридор раньше, чем Кира успела ответить. Вода в ванной снова зашумела. Теперь точно плачет, поняла Кира. И сама долго потом ворочалась в постели, вспоминая про зайчика. Каждый Новый год дедушка придумывал для Киры не один, а целых семь подарков. По одному на каждый праздничный день. Жили они тогда сложно, впрочем, как все в девяностые. Так что подарочки эти были совсем маленькие. Набор лего с шоколадным батончиком, диснеевская мозаика или плюшевый щенок. Кира просыпалась пораньше и лезла ладошкой под подушку — дедушка прятал там свои гостинцы и ни разу внучку не разбудил. Немного новогодних чудес в отдельно взятой квартире.

— Уже первые пятидесятисекундные ленты заложили основу для сегодняшнего многообразия кино, — подвел итог Игорь Саныч. — О документальных и игровых опытах Люмьеров мы поговорим во второй части нашей лекции, встретимся через двадцать минут.

«Уже выезжаю», — набрала Кира, впихнула в сумку блокнот и направилась к выходу.

— Штольц, — окликнул ее Игорь Саныч. — Вы сегодня похожи на французскую актрису. Помните «Полночь в Париже» Вуди Аллена? Она там играла подружку Коко Шанель, если я не запамятовал. И бывшую любовь Модильяни.

Подсвеченный из окна сентябрьской желтизной, он сам был так фактурен, хоть бери и снимай, только камеру Кира продала.

— Марион Котийяр, — вспомнила Кира. — Она же красавица! Если мы и похожи, то только прической.

— Дело не в красоте, дело в харизме, — рассмеялся Игорь Саньич. — Не забудьте про консультацию!

— Не забуду, — пообещала она.

Между «не забыть» и «все-таки прийти» лежала пропасть размером в один зайчик.

...

Кира вышла из метро в солнце такое плотное и горчичное, что воздух будто загустел, стал теплым и тяжелым, как стоячая вода, — целый пруд, опрокинувшийся на притихшую «Дмитровскую». К трем часам дня люди успели вернуться с обеденных перерывов в офисы, побросать машины на парковках, допить кофе и затихнуть по кабинетам. У стеклянных дверей лениво шаркал метлой мужичок в оранжевой жилетке, он глянул на Киру и тут же отвернулся. В ушах у него белели капельки беспроводных наушников. Кира хотела себе такие, но накопить пятнадцать тысяч оказалось сложнее, чем она думала. Мама еще раз позвонила. Кира сбросила последние два, но этот взяла.

— Из метро выхожу. Сейчас автобус поймаю и приеду.

Мама облегченно выдохнула. На заднем фоне бубнил телевизор.

— Много пропустишь? — осторожно поинтересовалась мама.

— Ничего. — Кира перебежала дорогу. — Там пока установочные.

— Светлана Никитична выйдет с больничного на той неделе, будет меня подменять за полставки.

В мамином голосе проскользнули жалобные нотки. Лучше бы уж ничего не говорила, чем оправдываться. Кира прикусила губу.

— Ты ни при чем, мам, забей.

— А у папы отчетный период до конца месяца. И полегче будет.

— Все хорошо, мам.

— А там и получше все станет, правда?

Автобус показался из-за поворота, но солнце бликовало на экранчике с номером. Кира сощурилась. На экране проступили блеклые цифры. Сойдет.

— Врач сказала, таблетки замедлят... Может же стать получше?

— Получше станет сама знаешь когда, — ответила Кира и только потом поняла, что сказала это вслух.

Мама помолчала.

— Я не это хотела... — пробормотала Кира. — Извини, мам.

Автобус остановился, двери медленно поползли в стороны.

— Минут через пятнадцать буду, — пообещала Кира и нажала отбой.

Горло саднило, как при ангине. Кира сглотнула, потом достала пастилку с шалфеем, начала рассасывать ее, но вкус у леденца оказался горьким и травяным, пришлось выплевывать его в салфетку и держать в кулаке, пока автобус не добрался до нужной остановки. Кира выскочила наружу, выбросила смятую бумажку и направилась к дому. Пальцы вымазались в сладкой слюне и слипались. Забираясь на мост через улицу Руставели, Кира нашла в мессенджере Тараса. Вчера они перекидывались сообщениями до трех ночи. Кира клевала носом над телефоном, то и дело проваливалась в сон, пока Тарас размышлял о качестве цветопередачи монитора, который давно хотел прикупить, скидывал ссылки и сравнения. Кира особенно не вникала, но каждое новое сообщение вызывало в ней прилив удовлетворения. Если Тарас пишет, значит, он дома. Не где-нибудь. Не с кем-нибудь. Не у кого-нибудь. А лежит в своей постели, на которой Кира иногда засыпала, засидевшись над домашкой, и пишет ей про диагональ с разрешением. Не идеальная тема для полуночного разговора, но лучше, чем ничего. Если он умничает, то улыбается.

А улыбаться Тарас умел открыто и ясно, совсем не так, как можно было от него ожидать. Даже ямочки на щеках появлялись, но теперь их скрывала борода. И когда только успел ее отрастить? Борода эта кололась под пальцами, если Кира решалась до нее дотронуться.

Если решалась. Казалось бы, ну что такого? С первого класса за одной партой сидели, пихались локтями, сталкивались коленками. А теперь в груди стискивало, стоило только потянуться рукой к заросшей щеке.

— У нас опять форс-мажор, пришлось с занятий свалить. Приходи минут через тридцать, а то я вскроюсь.

Отправила голосовое, подождала немного. На аватарке Тараса — очки и борода, ничего лишнего — загорелся зеленый огонек.

«Ок, — ответил он, подумал и допечатал: — Пожевать есть или закажем?»

В животе недовольно булькнуло. Обедать с группой Кира не пошла: их выбор остановился на уютной кофейне, где суп с двумя гренками стоил как целый обед молодой семьи с ребенком.

«Есть, наверное, мама готовила». — «Шик!»

Мама и правда наготовила. Пожарила картошки с мясом, испекла шарлотку из яблок, которые им Тарас же и привез с родительской дачи. Кира еще в подъезде почувствовала запах — карамельная корочка из сахара с корицей, но, когда открыла дверь, в нос пахнуло другим — едко-больничным, беспомощно-старческим. Это не смогли перебить даже мамины духи. Мама стояла у зеркала в прихожей и яростно красила губы.

— Опять в шкафу копается? — с порога спросила Кира.

Так начинало вонять, только когда все дореволюционное нутро дедовского шкафа вываливалось на пол и перебиралось. Без цели и смысла. Но долго и методично.

— Давай помягче, хорошо? — скривилась мама.

Жалобные нотки исчезли из голоса. Она опаздывала и психовала. Кира видела это по дрогнувшей линии нижней губы.

— Дай поправлю.

Мама повернулась к ней, закрыла глаза. Кира осторожно вытерла размазанный уголок, взяла пуховку и припудрила маме нос, чтобы не блестел.

— Теперь хорошо.

Мама рассеянно глянула в зеркало:

— Обед на плите. Еще шарлотка в духовке, не забудь достать.

Кира скинула балетки, повесила джинсовку на крючок.

— Дедушку я кормила, таблетки дала. Теперь до вечера пусть только чай пьет.

Одним из симптомов болезни было отсутствие насыщения. Дедушка мог съесть сковороду картошки, выпить три кружки чая и закусить это все целым противнем шарлотки, а потом подойти и жалобно спросить, мол, когда же мы сядем ужинать? От этой самой жалобности Кире становилось совсем уж невыносимо, и она отвечала грубостью, мол, сколько можно, дед, куда в тебя только лезет. Дедушка в ответ терялся окончательно и уходил к себе, шаркая тапками по полу. А в Кире открывались новые отсеки для невыносимости.

Мама взяла плащ и наклонилась за туфлями. В уложенных темно-русых прядях проскальзывали седые волоски.

— Надо тебя покрасить.

— Ага, в субботу сделаем.

— В субботу врач с трех, — напомнила Кира.

— Ну после... — Мама поправила воротник и взялась за дверную ручку.

— А после дед до ночи не уgomонится.

— Ну в воскресенье!

Кира прислонилась плечом к стене. В комнате скрипело и позвякивало, значит, дед принялся перебирать обширную коллекцию советских значков.

— А в воскресенье у меня интенсив.

Мама подняла на нее глаза — все в мелких красных прожилках.

— Значит, буду ходить седая. Закрой за мной.

И стремительно вышла, остался только слабый запах лака для волос и цветочных духов.

— Маруся! Маруся, подойди! — позвал дед из комнаты.

Маму никто, кроме него, не звал Марусей. Она сразу начинала беситься, стоило только попробовать. Говорила: меня зовут Маргарита Эдуардовна, а Маруся — девка со двора. Но деду было можно. Ему все было можно, даже загонять под диван советские значки — все эти горны, костры и звездочки с профилем Ленина, а потом требовать, чтобы Маруся доставала их и пересчитывала.

Кира кинула сумку в свою комнату, зашла на кухню и прикрыла за собой дверь. Заглянула в телефон: Тарас прислал гифку — рисованный человечек машет рукой,

а в прозрачном пузе его покачивается вопросительный знак.

«Иди давай», — разрешила Кира и пошла доставать тарелки.

Тарас не стал стучать в дверь, бросил звонок и скинул: правила тишайшей тишины он знал назубок. Кира проскользнула в коридор, в дедовской комнате еще поскрипывало, но тише. Кира щелкнула замком, Тарас ввалился в прихожую и тут же заполнил ее всю. Похожий то ли на боксера, то ли на медведя из сказки, который и на балалайке сыграет, и теремок в два счета раздавит, он скинул кроссовки и на цыпочках двинулся к кухне. Всё молча. Перескочил через порожек, протиснулся к окну и замер, скорчив перепуганную физиономию. Кира постучала пальцем по лбу: сколько лет тебе, дурень? Вернулась на кухню и плотно закрыла за собой дверь.

— Еще можно связывать простыни и спускать мне через окно! — восторженно предложил Тарас, пока она раскладывала по тарелкам картошку.

— Очень смешно, — процедила она и вернула в сковороду особенно аппетитный кусочек. — Так смешно, что останешься голодным.

— Да ладно тебе, делов-то, — примирительно забубнил Тарас, положил ей руку между лопаток. — Главное, швабру держать подальше. И табуретку...

Кира осторожно поставила перед ним тарелку, отвернулась к раковине и крутанула вентиль. По рукам потекла горячая вода. Почему-то в кухонном кране она

сразу была чуть жирная, будто ею уже успели помыть пару вилок.

Две недели назад Тарас забежал в гости перед работой, дверь ему открыл дед — в спокойной фазе он вел себя почти как раньше и даже поддерживал с соседями пространные беседы про электросчетчики и газовые колонки. Только фаза эта становилась все короче. Увидев Тараса, со всей его внушительной массой и темной бородой, дед не сумел того вспомнить и ужасно перепугался: схватил швабру, оставленную мамой в углу, и ткнул изумленного гостя прямо в живот. Тарас взвыл от неожиданности. Кира бросилась на голос и чудом успела отобрать табуретку, которую дед уже занес над головой, чтобы жахнуть Тараса по спине.

— Пацан! Пацан пришел! — причитал дед, хлопая пустыми глазами. — Маруся, пацан пришел! Украдет!

Тут уже в коридор выскочил папа, не успевший лечь спать после ночной смены. Вдвоем у них вышло увести деда в комнату, уложить на кровать и сунуть между зубов таблетку. Дед тут же обмяк, засопел. В его беспомощности было столько тоски, что Кира подавилась слезами, выскочила из комнаты, наскоро обулась и побежала вниз по лестнице. Тарас смог догнать ее только на улице. Ничего не сказал. Стиснул так, что хрустнуло, и зашагал рядом. Они до вечера нарезали круги по району — от Руставели к Дмитровскому, через учебный комбинат по Яблочкова и обратно. Иногда их пальцы переплетались — сначала мизинцы, потом остальные, пока ладони не соприкасались. А потом у Тараса жужжал

телефон или у Киры начинал отчаянно чесаться нос, и рукам снова приходилось начинать медленное движение навстречу друг другу. Когда Кира вернулась домой, папа уже спал, а дед сидел на диване у телевизора. Маме она ничего не рассказала, чтобы не расстраивать.

А Тарас теперь заглядывал в гости с осторожностью заправского домушника. И даже пытался шутить.

— Ты чего не ешь? — спросил Тарас, обмакивая хлеб в мясную подливку. — Вкусно нереально. Мама твоя — топчик. Хоть на ютубе кулинарный блог заводи.

Кира выключила воду, села за стол и начала ворошить вилкой картофельную кучку. Мясо направо, жареный лук налево.

— А может, правда забавать нашей Марго канал. Будет рассказывать, как готовить нормальную жаренку, а не авокадо, тосты с фалафелями.

— Сам-то давно фалафели разлюбил? — Кира наколола на вилку самый поджаристый кусочек и засунула в рот.

Тарас хохотнул, вытер бороду ладонью. Он любил строить из себя простого парня, но к барберу ходил по строжайшему расписанию, а дважды в месяц устраивал себе смузи-детоксы. Любовь к жареной картошке это, впрочем, не отменяло.

— Как на учебе?

Кира пожала плечами:

— Пока установочные лекции. Препоод по истории кино роскошный. Но пришлось уйти в перерыве. Мама вызвала.

— А дед чего?

— Значки перебирает.

Тарас сморщил нос:

— Не худший вариант.

— Средний по зашкварности, сам знаешь.

Кира подвинула к себе тарелку Тараса и вывалила на нее забракованное мясо с луком.

— Ешь давай.

Тарас перехватил ее руку и сжал в своей лапище. Посмотрел прямо, без вечной усмешки. Глаза у него были серыми, но темнели, когда он грустил, — становились цвета сырого асфальта.

— Эдик — кремень. Еще выкарабкается. И все наладится.

Эдиком он называл деда с первой их встречи, когда Кира притащила в гости из садика пухлого мальчика и провозгласила лучшим другом навсегда. Дед внимательно изучил пунцового от важности Тараса, наклонился и протянул руку.

— Эдик, — представился он. — Кири́н дедушка.

— Тарас, Кири́н друг, — смущенно пробормотал «лучший друг навсегда».

На том и порешили.

— Вот зачем ты сейчас это сказал? — Кира стряхнула его ладонь. — Зачем так говорить, если эта херь не лечится? — Она отвернулась, чтобы из глаз не полилось прямо на остывшую картошку. — Дед не выкарабкается. А наладится все, когда он умрет.

Сказала и подавилась словами. Открыть глаза было стыдно, лучше сидеть с закрытыми и не представлять, как Тарас смотрит на нее.

— Мне тут работу подкинули, — перевел тему Тарас, встал и начал убирать со стола. — Денег обещают.

— Хорошо. — Кира дождалась, пока зашумит вода в раковине, отвернулась к окну и начала рассматривать пыльные разводы с обратной стороны стекла.

— Там режиссер нужен. Я чего думаю: может, возьмешься?

...

— Это сторож, — не разлепляя губ, пробормотал Костик. — Он таких, как вы, интересующихся, не любит.

— Почему? — спросила Кира.

— Да сам интересовался, вот сторожем и стал. Теперь гоняет, чтобы чужие не шастали. Но я договорился, он за нами ходить не будет.

— А другие где? — скривился Южин и выплюнул, как ругательство: — Сталкеры эти ваши.

Костик глянул на Южина абсолютно прозрачными глазами, будто рыба в контактном аквариуме: заплати сто рублей — и сможешь покормить.

— Я же обещал. Поведу туда, где другие не ходят.

Южин дернул щекой — гладко выбритой и ровненькой, ни единого прыщика, и это бесило Киру даже сильнее, чем его ядовитый тон.

— Хватит тут торчать, — бросила она и первой зашагала по лестнице, остальные двинулись следом, пока внизу больше ничего не лязгало и не катилось.

Второй этаж мало чем отличался от первого — все те же пережеванные бычки, пустые бутылки и смятые банки, пакетики из-под рифленых чипсов со вкусом глутамата натрия.

— Надо поснимать, — озабоченно озираясь, сказал Тарас.

— Мусорку? Тут нечего снимать. — Кира поддела кроссовкой ближайшую сигаретную пачку и пнула в угол. — Тут нечего снимать, — повторила она громче, но поворачиваться к Южину не стала. — А я вас предупреждала.

— Снимайте что есть. — Южин присел на корточки и провел рукой по узору, нарисованному темным маркером прямо на полу. — Это, например.

— Это знак «Нимостора», — откликнулся Костик, но объяснять не стал.

Кира подошла ближе, наклонилась. Кривоватые буквы цеплялись друг за друга боками. Кто-то определенно пытался нагнать жути, но готический стиль ему не удался.

— Я про них читал, — вспомнил Тарас, подключая фонарик к камере. — Местные сектанты...

— Идиоты, которые тут кошек резали, — проворчала Кира. — Но кадр хороший. Руки не убирай, — попросила она Южина.

— Да, пусть будут, — согласился Тарас. — Только пальцы немного согни. — Южин неуверенно сжал кулак. — Не так... Кир, помоги ему!

Кира нехотя дотронулась до руки Южина, распрямила его ладонь, чуть согнула указательный и безымянный палец.

— Так?

— Да, сойдет, — кивнул Тарас. — Из кадра выйди.

Она поднялась и юркнула в сторону. На ощупь рука Южина оказалась шершавой и горячей. Пока Тарас снимал его, сидящего на корточках у нелепого сектантского знака, Кира терла ладонь о джинсы, чтобы прогнать ощущение чужой кожи, костлявых пальцев и колючей корочки у сорванного заусенца.

— Там будет лучше, — шепнул ей Костик.

— Где?

Тот медленно моргнул, его тонкие ресницы были такими длинными, что почти касались белесых бровей.

— Пойдемте, — позвал он остальных и, не дожидаясь, пока Тарас спрячет камеру в рюкзак, двинулся по коридору, такому же унылому, как на первом этаже.

— Уже в глазах рябит, — недовольно огрызнулась Кира, но зашагала следом.

В заброшенных кабинетах с выломанными окнами и расписанными похабщиной стенами гулял ветер, пахло протухшими тряпками и общественным туалетом. Снаружи нехотя темнело, но так медленно, будто время тоже бесконечно шло по серому коридору, с трудом отрывая ноги от пола.

— Мы находимся в северном секторе второго этажа, — начал бубнить Южин, записывая свой голос на диктофон. — Заброшенное здание, даже самое мистическое, остается заброшенным зданием. Но среди мусора мы сумели отыскать знаки, подтверждающие существование настоящих хозяев этого места.

Кира прикусила губу, чтобы не расхохотаться, покосилась на Тараса, тот закатил глаза, но тут же споткнулся о сваленные в кучу битые кирпичи и рухнул бы, но Кира успела схватить его за капюшон и остановить.

— Камера! — взвизгнула она. — Ты с ума, что ли, сошел? Смотри, куда идешь!

Тарас виновато сморщился, потер ушибленную щиколотку.

— Какого черта мы вообще сюда прем? — спросил он Костика, застывшего у очередного проема, который на удивление сохранил некое подобие двери.

— Потому что здесь заложен проход в южный сектор, — ответил проводник, толкнул перегородку, закрывающую боковое ответвление коридора, и поманил Южина за собой. — Тут заканчивается туристическая часть нашего маршрута, — голос его подозрительно дрогнул. — Если вы не передумали, то пойдете за мной.

Его влажные светлые волосенки прилипли ко лбу, на побледневшем лице отчетливо выступили веснушки и темные ниточки вен. Кира отвела глаза — смотреть на Костика было то ли стыдно, то ли страшно.

— Сейчас, погоди, надо это повторить! — засуетился Южин. — Тарас, подними!

Костик отступил в темноту прохода.

— А мне обязательно? В кадр обязательно? — спросил он. — А если не хочу в кадр?..

— Костя! — перебил его Южин. — Мы же договаривались!

«На самом деле нет», — подумала Кира, но не только Костику был выплачен аванс.

— Послушай, давай мы снимем тебя вот так, из темноты. Лица видно не будет. Повесим петличку, чтобы голос записать, ну и в целом антуражненько. Хорошо?

Костя помолчал, только тонкие пальцы, что сжимали угол, за которым он прятался, шевелились, будто водоросли. Или лапки насекомого, большого и задумчивого.

— Хорошо... — наконец пробормотал Костик. — Снимайте.

Тарас засопел и полез в рюкзак за петличкой. Кира перехватила взгляд Южина, тот кивнул: сойдет, и отошел к заколоченному окну. Между досок просвечивало серым.

— Давай попробуем? — Тарас поймал фокус. — Поехали.

— Тут заканчивается туристическая часть нашего маршрута, — прошелестел из темноты Костик. — Если вы не передумали, то пойдете за мной.

— Хорошо! — похвалил Тарас. — Еще разок, чтобы точно. Пишем!

Костик откашлялся, помолчал.

— Мы у бокового прохода в южный сектор, — чужим, низким голосом сказал он. — Тут заканчивается туристическая часть нашего маршрута. Пойдете со мной, если не передумали.

— У меня аж мурашки! — хохотнул Тарас. — Можно идти дальше.

— Артист, мать твою, — неожиданно зло пробормотал Южин, оттолкнулся от окна и первым шагнул в боковой коридорчик.

«Сам хотел дешевой жути, не жалуйся теперь», — мысленно бросила ему Кира.

Жуть получилась дешевой. Ровно такой, чтобы заскучать на середине ролика, правда, этот ролик нужно было еще снять. Кира тряхнула рукой, разбудила часы, те послушно включились. Двадцать семь минут девятого. Они договорились, что пробудут в больнице до полуночи. Какие-то три с половиной часа. И еще три минуты.

— Я читал, что нижние этажи использовались в качестве секретного морга, — из подсвеченной фонариком темноты раздался голос Южина. — Мы туда пойдем?

— Нет там никакого морга, — оборвал его Костик. — Я веду, куда знаю, не хотите, можете вернуться.

В коридорчике, узком настолько, что Кира слышала, как плечи Тараса шаркают по стенам, стоял затхлый воздух, на языке от него чувствовался привкус пыли, но Костик уверенно шел вперед, а тяжелый фонарь, выданный Южиным, покачивался в его руках, делая пространство зыбким. Пол будто шел рябью под ногами. Кира старалась не смотреть вниз, ее обычно тошнило от качки, и в желудке уже скрутился знакомый узел.

— Воды дать? — спросил Тарас.

Словно почувствовал, что ее начинает мутить. Кира взяла протянутую бутылку, Тарас накрыл ее пальцы своими, ободряюще сжал и тут же отпустил. Пока Кира возилась с крышкой, Южин обогнал проводника,

повернулся спиной к темноте прохода и остался стоять, широко расставив ноги.

— Снимем здесь связку? — предложила Кира.

Отрицать, что Южин, в военной куртке и тяжелых ботинках, вписывается в антураж заброшенного коридора как влитой, она не могла. Хотя его искусственно взлохмаченная и надежно закрепленная лаком шевелюра раздражала.

Пока Тарас устанавливал штатив и вешал на Южина микрофон, Костик прислонился к стене и тут же слился с ней — такой же серой и тонущей в пыльной темноте. От него слабо пахло цветочным мылом и потом — странная смесь детской чистоты и взрослого уставшего тела.

— Воды будешь? — спросила Кира.

Костик вздрогнул, словно успел забыть, что она стоит рядом.

— Нет, у меня своя, — пробормотал он, из его потертого, но увесистого рюкзака выглядывало горлышко бутылки. — Я сюда с собой колу беру всегда. Бодрит. А еще она вкусная.

Кира рассеянно кивнула, мол, да-да, очень вкусная, и сделала пару шажков в сторону. Стоять рядом с Костиком было куда менее комфортно, чем в непроглядной тьме.

— Сейчас мы идем по узкому проходу, — заговорил Южин. — Параллельному основному коридору северного сектора второго этажа. Если не знать, куда свернуть, то можно пересечь его за несколько минут, не отыскав ничего интересного, но с нами проводник,

знающий тайные маршруты больницы. Пока он не признаётся, куда именно мы идем, и нам нужно просто довериться ему. В этой темноте мы все равно не смогли бы самостоятельно найти обратный путь.

И замолчал, продолжая смотреть в камеру с легким прищуром.

— Индиана, мать его, Джонс, — прошептала Кира себе под нос и отошла еще немного от бьющего в глаза света фонарика, которым подсвечивали Южина.

— Кир, отойди, в кадр лезешь, — попросил ее Тарас. — Давай второй дубль без штатива, надо как-то поживей.

Южин что-то недовольно буркнул, но Кира его не слушала. Темнота перед ней нехотя раскладывалась на слои серого. Полутона сумрака пульсировали в такт сердцу Киры, и оно забилось быстрее. Тук-тук. Подошва кроссовки пружинила на бетонном полу. Тук-тук. Вытянутые вперед руки царапали неотшлифованные плиты стен. Тук-тук. Сколько бы Кира ни шурилась, пытаясь увидеть перед собой хоть что-нибудь, коридор не желал делиться с ней ничем, а может, у него ничего и не было, кроме темноты, стен и пола. Кира потеряла глаза, они начали слезиться от пыли, и коридор чуть поплыл. К пульсу сумрака добавилось легкое движение. Будто темнота стала чуть плотнее, но сразу же рассеялась, чтобы Кира не успела разглядеть новую зону тьмы, отдаленно похожую на тень. Фигуру, скрывшуюся во мраке. Две ноги, длинный торс, узкие плечи и голова — слишком маленькая, чтобы быть